Петр Андреевич Вяземский

Слово «элита» стало очень модным в последнее время. Чего только для элиты у нас нет: дома и профессии, школы и одежда… Правда, с самой элитой произошла некоторая путаница. Трудно понять, кто принадлежит к ней. Вопрос тем более интересный, что прилагательное «элитарный», что значит принадлежащий или служащий элите общества, в разговорном языке практически не используется, его заменило слово из лексикона животноводов - «элитный», что значит «оставленный на племя». Хотелось бы, чтобы к слову элита вернулся его первоначальный смысл. Для этого хорошо бы иметь пример человека, чья принадлежность к элите не вызывала бы сомнений. Как раз среди июльских именинников такой пример есть - 12 июля, в Петров день, в 1792 году родился князь Пётр Андреевич Вяземский.

Что мы знаем о Вяземском? То, что он поэт и критик, а также крупный чиновник, служивший по разным ведомствам. Но самое главное, что мы знаем и помним о нём, он – друг Пушкина. Трудно найти другого человека из Пушкинского окружения, кому поэт писал чаще. Известны более семидесяти писем Пушкина к Вяземскому. Понятно, что такие отношения возможны лишь между людьми одного круга. Не вызывает сомнения, что люди этого круга и составляли цвет, самую что ни на есть элиту России. Так в чём же эта элитарность проявлялась?

Пушкин гордился своим восьмисотлетним дворянством. Вяземский же носил негласный титул «рюрикович». Это значило, что род его восходил аж к легендарному варяжскому князю Рюрику, призванному на Русь в незапамятные времена. Они оба были не из выскочек, получавших титулы за то, что искусно «ваксили царские сапоги». При этом в жилах и того и другого текла кровь иной нации. Прадед Пушкина был абиссинцем, а мать Вяземского - англичанкой, замужней дамой миссис О`Рейли, которую его отец, страстно влюбившись, увёз в Россию, добился для неё развода, обвенчался с ней, и стала она Екатериной Ивановной Вяземской.

Отец Вяземского, Андрей Иванович Вяземский, был человеком, исповедующим идеалы эпохи Просвещения. Большую часть времени он проводил в путешествиях по Европе. Был знаком с французскими писателями-энциклопедистами и сам был великолепно образован. Библиотека в княжеском доме насчитывала пятнадцать тысяч книг и денег на педагогов для юного князя Петра не жалели. Современники отмечали, что Пётр Вяземский получил блестящее домашнее образование, но так же, как и Пушкин, читать он научился прежде по-французски.

Пушкин и Вяземский могли бы стать однокашниками – осенью 1811 года Пушкина везли в Петербург, чтобы отдать в знаменитый иезуитский пансион. Пётр Вяземский этот пансион закончил. Вот что говорит об этом пансионе один из современников Вяземского Филипп Филиппович Вигель: «Тайный иезуит, аббат Николь, завёл в Петербурге аристократический пансион. Он объявил, что сыновья вельмож одни только в нём будут воспитываться; и сколько с намерением затруднить вступление в него детям небогатых сословий, столько из видов корысти положил неимоверную плату…» В этом пансионе воспитывались дети из знатнейших родов России: Голицыны, Нарышкины, Меньшиковы, Волконские… Наряду с эффектно составленной учебной программой, иезуиты умело занимались пропагандой католицизма – многие воспитанники в будущем сделались католиками. Сам Николь верил, что воспитывая российскую молодёжь, трудится также для Франции. Но ни Француз (лицейское прозвище Пушкина), ни вышедший из иезуитского пансиона Вяземский не сделались ни католиками, ни галломанами. У Пушкина была няня, Арина Родионовна, подарившая ему мир русской народной сказки, мир родного языка. Пётр Вяземский, после иезуитов, после пансиона Петербургского педагогического института попал в руки Николая Михайловича Карамзина, да, да, того самого Карамзина, автора великой «Истории государства Российского». Карамзин был женат на сводной сестре Вяземского, Екатерине Андреевне. Именно Карамзину поручают воспитание Петра Вяземского после смерти Вяземского-старшего. С этого момента, как писал сам

Вяземский, «русское литературное влияние соединилось в Остафьеве (подмосковное имение Вяземских) с привычным французским и даже стало преодолевать его». Карамзин привил Вяземскому любовь к истории Отечества, и вместо галломана воспитал патриота в лучшем смысле этого слова.

Грянула гроза двенадцатого года и Вяземский одним из первых вступил в Московское ополчение. Он был очень храбрым человеком, князь Пётр Вяземский. Участвовал в Бородинском сражении, от пуль не прятался, вошёл в историю Бородина как человек, под которым убили двух лошадей, но не заставили его быть более осторожным. За храбрость он был награждён орденом Станислава IV степени.

Как и Пушкин, Пётр Вяземский начал писать стихи ещё ребёнком. Так вот, Карамзина эти детские опыты в восторг не приводили. Что греха таить – стоит малышу срифмовать «галка - палка», и умилённые взрослые объявляют ребёнка поэтом, умножая число графоманов. Карамзин же боялся увидеть в Вяземском плохого стихотворца. Он считал, что «нет ничего жальче худого писачки и рифмоплёта». Свои стихи Вяземский тщательно скрывал от Карамзина и лишь в 1816 году (двадцати четырёх лет!) рискнул при Николае Михайловиче читать свои творения. Выслушав их, Карамзин сказал: «Теперь уж не буду отклонять Вас от стихотворства. Пишите с Богом!» И Вяземский из тайных поэтов стал поэтом явным. Он вошёл в знаменитый литературный кружок «Арзамас», душой которого был Жуковский. За острый скептический ум, язвительные эпиграммы, Пётр Вяземский получил прозвище «Асмодей», что значит «злой демон», здесь же Вяземский близко познакомился с Александром Пушкиным, совсем юным лицеистом, которого арзамасцы приняли на равных, почувствовав, какой силы гений развивается в этом мальчике, в этом Сверчке (еще одно прозвище Пушкина!). И с тех пор мы, вспоминая Пушкина, вспоминаем и Вяземского, поэта, критика, друга, достойного представителя Российской элиты.

В чем же состоял аристократизм таких людей, как Вяземский? Принадлежность к хорошему роду обязывала беречь честь

фамилии, а не чваниться происхождением. Кодекс чести тогда предъявлял к человеку довольно жесткие требования: верность долгу, верность данному слову, невозможность предательства, честное служение Отечеству. Личная храбрость и щедрость сочетались с многочисленными умениями и широкой образованностью, при этом истинный аристократ отличался благородной простотой поведения, общения с людьми разных кругов (о любезности Вяземского ходили легенды). Если бы именно эти люди служили образцом для подражания современной элите, слово «элитарный» не было предано забвению, а термин «элитный» так и остался бы термином из языка ученых-селекционеров.

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь